

Научная статья

Научная специальность

5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»

УДК 341.9

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.2.16>

РЕЛИГИЯ И ПРАВО (ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ)

© Тумурова А. Т., 2024

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Проведено исследование сложной проблемы выявления истоков смешения различных социальных регуляторов, в частности религиозных норм и права. Подчеркивается актуальность проблематики в связи с постановкой задачи правовой защиты традиционных ценностей. Отмечается, что вопросы содержания и значимости традиционных ценностей не могут быть решены в отрыве от проблемы происхождения права, социальных норм и институтов, культуры в целом. В социальных науках господствует идея значительного влияния идеологии, а также религиозных доктрин на формирование и развитие права. Как следствие, правовое регулирование в отрыве от моральных устоев видится важнейшим препятствием для построения справедливых общественных связей и взаимопонимания людей. Исследования на основе данных антропологии права позволяют видеть, что в основе происхождения права и религиозных норм лежат разные закономерности, причины и механизмы возникновения; религиозные и правовые нормы имеют разное содержание, несмотря даже на одинаковую в ряде случаев форму. Религиозные нормы, как и правовые, имеют институциональные механизмы защиты. Утверждается, что принципы их осуществления не совпадают. Делается вывод, что отождествление религиозных процедур с правовым процессуальным назначением наказаний сопряжено с попыткой подменять правовые принципы религиозными, философскими, морально-этическими. Такая подмена не способствует решению социальных проблем, связанных с нездоровой конкуренцией, конфронтацией, нетерпимостью.

Ключевые слова: право, религия, генезис социальных норм, антропология права, социальные нормы, религиозные нормы, каноническое право, социальные институты, источник права, закон, обычное право.

RELIGION AND LAW (THE PROBLEM OF DELIMITATION)

© Tumurova A. T., 2024

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

The article is devoted to the complex problem of identifying the origins of the confusion of various social regulators, in particular religious norms and law. The relevance of the issue is emphasized in connection with the formulation of the task of legal protection of traditional values. It is noted that significant interest in the issues of the content and significance of traditional values cannot be resolved in isolation from the problem of the origin of social norms and institutions, culture as a whole. The article is devoted to the complex problem of identifying the origins of the confusion of various social regulators, in particular religious norms and law. The relevance of the issue is emphasized in connection with the formulation of the task of legal protection of traditional values. It is noted that significant interest in the issues of the content and significance of traditional values cannot be resolved in isolation from the problem of the origin of social norms and institutions, culture as a whole. The social sciences are dominated by the idea of a significant influence of ideology, as well as religious doctrines, on the formation and development of law. As a result, legal regulation in isolation from moral principles is seen as the most important obstacle to building fair social relations and mutual understanding between people. The anthropology of law allows us to see that the origin of law and religious norms are based on different patterns, causes and mechanisms of occurrence; religious and legal norms have different contents, despite even the same form in some cases. Religious norms, like legal norms, have institutional protection mechanisms. It is argued that the principles of their implementation do not coincide. It is concluded that the identification of religious procedures with the legal procedural assignment of punishment is associated with an attempt to replace legal principles with religious, philosophical, moral and ethical ones. Such a substitution does not contribute to solving social problems associated with unhealthy competition, confrontation, and intolerance.

Keywords: law, religion, genesis of social norms, anthropology of law, social norms, religious norms, canon law, social institutions, source of law, law, customary law.

Для современного состояния юридической науки характерен необычный для российской науки интерес к различным рели-

гиозным системам, особенно к буддизму, его разнообразным практикам, а также к шаманизму и другим верованиям. Причины устой-

чивого интереса, безусловно, можно объяснить формированием всеобщего интереса к Востоку, актуальностью познания правовой системы Индии, Китая, Японии, Кореи и других стран Юго-Восточной Азии. При этом российские ученые-юристы, характеризуя правовые системы, придают определяющее значение религиозным доктринам. Есть правовые системы, где религиозные тексты выступают прямым источником права; теократические государства имеют место на политической карте мира.

Иной подход характерен для западных ученых, которыми принята общая точка зрения о том, что религиозные учения являются важнейшим фактором формирования государства и права [10]. В связи с этим критика научных взглядов, связывающих закономерности возникновения государственности, права и правосудия с появлением монотеистических и других религиозных воззрений, с позиции антропологии права видится актуальной, направленной на отстаивание в науке значения права как универсального регулятора общественных отношений, имеющего собственное содержание, социальное назначение, отличное от иных нормативных систем. Попытка подменять правовые принципы религиозными, философскими, морально-этическими и любыми другими ценностями не решает имеющиеся социальные проблемы, связанные с конкуренцией, конфронтацией.

Вопросы об общих закономерностях, определяющих тесное взаимодействие религии и права в вопросах регулирования наиболее значимых социальных институтов, представляют значительную трудность для интерпретации, поскольку сопряжены с необходимостью оценки их вклада в цивилизационное развитие, сравнительного анализа их эффективности. Однако следует осознавать ответственность научного сообщества за понимание объективных причин формирования важнейших социальных вызовов, кроющихся в процессах разрушения семьи, брака как основных социальных общечеловеческих ценностей.

С позиций антропологии права очевиден факт того, что в происхождении права и религиозных норм лежат разные закономерности, причины и механизмы возникновения; религиозные и правовые нормы имеют разное содержание, несмотря даже на одинаковую в ряде случаев форму; религиозные нормы, как и правовые, имеют институциональные механизмы защиты. Принципы их осуществления не совпадают. Ошибочны взгляды, которые офи-

циальные религиозные процедуры назначения наказания отождествляют с правовыми.

Разберем вышеизложенные тезисы.

Аксиоматическими по своей природе являются научные выводы о том, что правовые нормы возникают там и постольку, где и поскольку возникают равноправные отношения, свобода, справедливость [11, с. 232–234.]. Вопреки распространенным представлениям о том, что это связано с формированием свободной индивидуальной личности, выводы антропологии права свидетельствуют, что первые равноправные отношения возникают в связи с формированием брачных отношений. Две родовые организации заключают договор об обмене невестами, который представляет эквивалентные отношения. Одновременно договор содержал взаимные обязательства о личной и материальной неприкосновенности. В совокупности это приводит к появлению норм общественного договора и социального института, известного как талион [13].

Что касается религиозных норм, то они появляются первоначально как реакция на ослабление родовых начал в общественной жизни общины. Первоначально в родовой общине в силу естественных или кажущихся нам таковыми причин власть переходит от старшего к следующему члену родовой организации. В специальной литературе принято отмечать коллективную власть старших в родовой общине. Незыблемость установленных правил, обеспечивающих власть и основанный на них порядок, защищалась таким институтом, как изгнание. Действенность изгнания была всемогущей до той поры, пока существовало представление о том, что изгой был обречен, безусловно погибал или превращался в дикого зверя за пределами общины.

С течением времени, с развитием умений и навыков охоты и собирательства, далее с появлением domestikатов изгнание перестает быть действенным механизмом поддержания внутривидовой дисциплины и порядка. Молодые и сильные члены родовой общины, недовольные своим положением и порядком, все активнее начинают теснить власть старших и вышеизложенный порядок перехода власти. Жизненная необходимость поддержания внутреннего единства родовой общины требовала поиска наиболее действенного способа обеспечения незыблемости внутривидовых обычаев. Распространенность такого социального явления, как колдовство и ритуалы поклонения мифическим по своей природе объектам, позволяет обобщен-

но все эти формы обозначить как обращение к трансцендентным, т. е. лежащим за пределами социальной общности, силам. Учитывая господствующие в древности представления о сущности социальных отношений, можно считать, что такой переход мог быть осуществлен путем обращения к духам предков [14]. Эти невидимые, однако прекрасно визуализируемые образы выступают эффективной опорой на первоначально традиционную форму власти. С течением времени именно шаманы и колдуны независимо от своего возраста и пола обладают реальной полнотой власти в родовых общинах [18].

В этом процессе важно видеть то, что такой переход происходит внутри родовой общины, где господствуют коммуналистические принципы распределения общего имущества и других благ: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Подчеркнем, что внутри родовой общины не существует равноправия и эквивалентности. И второе, очень сильны представления о разделении людей на своих и чужих. Наказания не бывают формализованными, поскольку преследуют цель обеспечения единства коллективных интересов.

Если сравнивать верования древних людей и религиозные воззрения исторического времени, то в обоих случаях это обращение к трансцендентным силам, однако переход от одной формы к другой очевиден. Свидетельством тому являются используемые в условиях трансформации общественных отношений термины родства: «Отче наш», «сестры и братья по вере», «отец духовный», «Папа Римский», «батюшка», «матушка» и др.

Таким образом, религиозные нормы и право имеют разные закономерности происхождения, задача их различения актуальна не только в сфере теории и истории права и государства, но и в других областях научного знания.

Религиозные тексты в ряде случаев признавались и признаются в настоящее время источником (как в широком, так и узком, т. е. юридическом, смысле) правовых принципов и норм. В научной литературе нередко встречается точка зрения, согласно которой нормы права восходят к религиозным постулатам, правовые нормы «являют волю господ» [8]. Также постулируется тезис о том, что право является достижением, которым человечество обязано мировым религиям [6]. Общеизвестным примером обращения к религиозному тексту является ветхозаветная история о божественных заповедях, которые были даны Моисею самим Богом,

в присутствии сынов Израиля, на горе Синай, на пятидесятый день после исхода из Египта (Исх. 19:10–25). Имеются в виду заповеди: не убий, не возжелай жены... и т. д. Всего 10 заповедей, из них 4, а именно: «...не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего, не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего...», имеют юридический смысл.

Нетеологам трудно комментировать смысловые значения (нет сомнений в том, что за более чем двухтысячелетний путь развития христианство выработало великое множество вариантов толкования) приведенных божественных заповедей. Однако с точки зрения современной антропологии права можно позволить некоторые общие рассуждения о происхождении и значении запретов. Можно предположить, что в момент перехода от родовых отношений, предполагающих общность имущества, в том числе дома, очага, стада, земли и пр., к иным формам социальной общности, например общинного проживания, которое не предполагает прежней общности имущества, сложным был процесс осознания принципиальных различий привычных и новых правил, например, между братьями. В прошлом родовом бытии конфликты между братьями разрешались на основе обычаев, устанавливающих различные дисциплинарные наказания, которые были в конечном своем резюме обеспечены изгнанием. При общинном проживании с отдельным имуществом конфликт между братьями должен был разрешаться на правовой основе, которую предполагает талион, обеспеченный кровной мезью. В библейские времена публичная экзекуция повсеместно заменяется имущественным возмещением, которое признается единственной формой правового разрешения конфликта, отказ от которого предусматривал уже внеправовую расправу. Несомненно, переход от первого к последующему был трудным. Об этом можно судить и по современным социальным воззрениям на природу и трудности родственных отношений и внутрисемейных конфликтов в современном мире. Эти сложности наиболее острую форму приобретают в сообществах, которые пусть даже в отдаленном прошлом жили родовым строем.

Многочисленная акцентуация на прилагательном «ближний», на наш взгляд, указывает именно на родственников, которые в недалеком прошлом свои конфликты переживали иным

способом. Божественные заповеди в данном случае направлены на установление ответственности за причинение вреда родственникам. Отказ от разрешения таких конфликтов на правовых началах означал нарушение не столько общественного договора о личной и имущественной неприкосновенности, сколько божественной заповеди. Трансцендентная в этом случае сила помогала бывшим родовым сообществам переходить от обычаев на правовые начала в имущественных и личных отношениях.

Если таким образом понимать содержание вышеприведенных божественных заповедей, то обывательские по сути рассуждения, например, что Бог прямо запрещает убийства, хищения, прелюбодеяния в своем кругу и не осуждает деяний за пределами «своих», лишены не только моральных, но и правовых оснований. В связи со сказанным следует отметить, что не бывает обычаев без обычного права, регулирующего внешние отношения, которые связывали ранее родовые общины общественным договором о взаимной личной и имущественной неприкосновенности. Поскольку такие договоры формировали брачные отношения, то это относится к весьма раннему периоду социального развития. А вот переход от матримониальных отношений к экономическим, а затем и к политическим союзам был совершен в период неолитической революции [17]. Поэтому ко времени появления первых мировых религиозных систем процесс разложения родовых отношений и развития ранних форм права и государства достигал своего апогея. Мир к этому времени жил по принципам, которые формировались обычным правом. Возмещение как правовая форма разрешения конфликтов противопоставлялось возмездью. Другими словами, народы стремились заключить правовые договоры, подчинить взаимодействие между представителями разных народов, этнических групп правилам эквивалентности, т. е. принципам равенства, свободы и справедливости¹. В отсутствие договора не существовало правил, по которым разрешались случавшиеся конфликты. Логично предположить, что причинение вреда было поводом для расправы.

В исследованиях некоторых культурологов имеются сведения, позволяющие предположить, что большинство религиозных систем не смогло преодолеть деление людей на своих и чужих, бо-

лее того, усилило разделение людей до непримиримых по религиозным верованиям. Негативные в целом социальные явления, порожденные этим делением, очень часто перекалдывают на родовые устои, что получило отражение в знаменитом выражении «проклятый трайбализм»².

Однако в какой степени родовые устои имеют отношение к порицаемому в данном случае пороку, вопрос, считаем, небесспорный. Родовые общности после перехода в своих внешних отношениях от чисто матримониальных к экономическим и другим связям особых запретов на заключение равноправных отношений с иными субъектами общественных связей не устанавливали. В правовой союз вступали и большие, и малые родовые общины на равных основаниях, важнейшим из которых являлась способность такого коллективного субъекта к материальному самообеспечению и ответственности за действия каждого своего члена за пределами сообщества; соблюдение установленных договором запретов на нарушение личной и имущественной неприкосновенности.

Родовое, или кровное, единство не имеет той негативной коннотации, которую мы подразумеваем в религиозном и расовом отчуждении людей.

Запреты, устанавливаемые правом, относятся ко всякому лицу за пределами ближнего круга, за исключением тех, с кем нет правового договора на неприкосновенность личную и имущественную. В этом нравственная сила права: в равенстве людей, объединенных в правовой союз; эквивалентности их отношений; взаимозавязанности юридических фактов и порождаемых ими правовых последствий и т. д. Но в своем культурном развитии человечество слишком часто предавало эти ценности права забвению.

При всех очевидных различиях рождения религиозных постулатов и правовых принципов их историческое переплетение и взаимодействие неоспоримы. Наиболее рельефно отступление от правовых принципов проявляется в особенностях эволюции публичного права. Первоначально социальные нормы, формирующие будущее здание государства, безусловно, исходят из принципов равенства, свободы и справедливости при взаимодействии свобод-

¹ Обыденным маркером общественного договора часто выступал межсоциальный брак. Вследствие этого в исторические времена описаны многообразные формы закрепления мировых договоров брачными узами, династическими браками и т. п.

² Трайбализм, трибализм, трайбализация (англиц. *tribalism*, от лат. *tribus* – племя) – форма групповой обособленности, характеризующаяся внутренней замкнутостью и исключительностью, обычно сопровождаемая враждебностью по отношению к другим группам. Изначально характеризовал систему первобытных, неразвитых обществ, позднее понятие расширилось и приобрело новые направления.

ных людей¹. Все входящие в политический союз люди между собой равны по своему статусу. От имени родовых организаций в выборе главы политического союза участвуют главы родов. С момента избрания глава политического союза главный среди равных. Он приступает к формированию управленческой структуры, которая будет отлична от родовой. Так, например, появляются десятники и сотники, тысячники, главы флангов и т. д. Каждый из них получает особый, рожденный этой структурой правовой статус, властные полномочия и ответственность за свои действия перед главой политического союза и избравшим его народом. Административные отношения формируются как отношения власти и подчинения и выражают государственные интересы, волю главы политического союза.

А глава политического союза ответствен перед народом как совокупностью всех свободных людей. Такая простота общественных отношений и публично-правового порядка резко меняется в результате присоединения к политическому союзу новых членов на условиях их подчиненного характера. Это было результатом войны. В древности победа означала смерть проигравшей сражение социальной организации. Дети и женщины становились собственностью чужой казны. Они подлежали разделу в качестве трофея войны. Но на очень ранних этапах возникновения домашнего рабства, когда рабы были собственностью всего рода, тяжелые последствия такого акта были оценены как явления, опасные для социального общежития. Именно их именовали «ящиком Пандоры», поскольку негатив, рожденный домашним рабством, был многоаспектным, в целом неопределенным и многоликим. Поэтому домашнее рабство не приживалось, оно заменялось такой формой этого явления, которое предлагаем определить как «казенное рабство».

Пленные сразу становились той частью военной добычи, которая не подлежала разделу между родами, принявшими участие в войне. Они становились принадлежностью казны и поступали в распоряжение главы союза родов. По его указу они распределялись в группы, которые были заняты обслуживанием казны. Женщины, например, выполняли тяжелую работу по выделке шкур, которые шли на изготовление одежды, доспехов, упряжи и т. п. Группы, занятые шитьем одежды для хагана и его дружины, на-

зывались, как пишет, например, собиратель сибирских древностей М. Н. Хангалов, «уленши» [16, с. 60]. Часть пленных мальчиков обучалась ремеслу и использовалась в качестве подмастеров. Ремесленники, освобожденные от участия в военных походах, изготавливали оружие, доспехи. Они высоко ценились, и их защищали от случайной гибели на охоте или войне. Они и их семьи получали обязательную долю при распределении добычи. Логично предположить, что эти группы в первую очередь обеспечивались помощниками из числа пленных. Дружинники чаще всего формировались из малолетних рабов². Часть пленных занималась обслуживанием казенного стада. И наконец, некоторые из пленных служили лично семье хагана³.

С появлением казенного рабства былая простота публично-правовых отношений утрачивается навсегда. Если первоначально властные отношения носят строго правовой характер, т. е. взаимные права и обязанности сторон обусловлены оговоренными первоначально юридическими фактами, то в новых условиях административные отношения, включавшие произвол государства над зависимыми, стали распространяться и на свободных членов политического союза. С течением времени и в непрерывном процессе смены одних событий другими общая политическая связанность порождает в итоге большую проблему в публичном праве. Ясность взаимосвязи правовых обязанностей с конкретными юридическими фактами утрачивается. Все заинтересованы в сильном государстве, в разнообразных политических союзах, и прежняя подчиненность государства интересам народа постепенно заменяется превалированием государства и связанного с ним государственного аппарата над населением в целом. Конфуций в своих трудах ясно выражает свое несогласие с порядком, где правами обладает исключительно приближенный к монарху круг родственников и свойственников, а обязанностями все остальные люди [12, с. 43–47]. И при этом, как правило, социальные лифты не работают. Такой порядок

² Например, история появления, возвышения янычар в Османской империи.

³ Период человеческой истории, получивший название «пастораль», не лишен своеобразного романтического ореола. В качестве примера можно привести случай из жизни Чингисхана, описанный в произведении «Нуц товчоо» («Сокровенное сказание»). Овеянный мировой славой, знаменитый полководец встретил на своем нелегком пути своего домашнего раба и не смог сдержать свои эмоции. *Унаган богоол* – урожденный раб. Монголы считали, что правом быть выкупленным родственниками обладали все несвободные, в том числе потерявшие свободу в результате войны, за долги. Этим правом не обладали дети, рожденные в рабстве, становясь *унаган богоол*.

¹ Ярким примером может служить всем известная в деталях история формирования Древнего Рима, а также история Древней Греции.

долго не может быть бесспорным, появляются внутренняя оппозиция, борьба и конкуренция. Если такая борьба создает новый правопорядок путем силы, то он обязан быть идеологически уравновешенным.

Именно на вышеуказанной стадии субъекты новой политической силы при помощи религиозных норм призывают новую трансцендентную силу, которая уже облачается в иные, чем духи предков, космические обличия. Единобожие представляет собой веру в абсолют, над которым никто и ничто не властно и который требует безусловного подчинения. В религиозных верованиях появляются такие идеи, как посредничество, богоданность власти. Новым витком в эволюции власти над человеком выступают идеи бессмертия души, благодати как награды за страдания и помещения в ад за прегрешения [15].

Этому этапу ментального развития человечества соответствует идеал религиозной общины, людей, объединенных общими верованиями. Вслед за прослеженной трансформацией меняется важная составляющая внутренней жизни такого сообщества. На смену обычаям кровного родства и клановой системы приходит внутренний устав религиозной общины. Новая нормативная система нуждается в защите системой наказаний. Религиозные нормы вырабатывают различные дисциплинарные меры, включая смертную казнь. Если характеризовать эти наказания, то мы видим прежде всего отсутствие эквивалентности, публичности, формальной определенности и т. д. Всегда это интимный обряд наложения епитимьи, строго индивидуальный, и за всем этим стоит отсутствие представлений о равенстве с братьями и сестрами [4].

Что касается влияния религии на общественные отношения, то следует принять во внимание следующие исторические феномены, понимание которых актуально в современном мире.

Общеизвестно, что Римская империя пала под натиском варваров – германских племен. Но историческая правда есть и во мнении о том, что Рим пал от внутренних проблем, порожденных нравственным разложением общества. Если конкретизировать проблему, то следует признать, что главенствующим звеном в нравственном разложении общества стало явление, которое носит название «разрушение семейных связей». Редкий мужчина в Риме имел менее пяти жен, констатирует крупнейший европейский исследователь истории Древнего Рима [9]. Логично заключить, что все они имеют детей. Так каков же должен быть порядок наследова-

ния? Появление института завещания не может в полной мере решить проблему того, что трудно разобраться в переплетениях столкнувшихся интересов в закрытом интимном мире семьи, у суда недостаточно мер для вынесения справедливого решения. В такой ситуации правосудие заходит в тупик и общество в отсутствие механизма разрешения споров постепенно приобретает дезорганизованный характер.

Христианская религия выступает за нерушимость заключенного брака, прибегая к ритуалам принесения новобрачными клятвы в верности. Именно поэтому расторжение брака и измена рассматриваются церковным судом, поскольку нарушены клятвы, данные в церкви Богу. Так на основе церковного брака складывается каноническое право.

Как видно из работ по истории европейского права, укрепление церковного брака происходит одновременно с борьбой с колдовством. В некоторых из них утверждается, что в Европе пала от рук инквизиции примерно треть числа всех женщин [3]. Считается, что инквизиция расправлялась с женщинами, уличенными в колдовстве. Но не трудно увидеть в последовательном преследовании колдовства борьбу церкви против свободных, не вступивших в брак женщин. Для укрепления брака было недостаточно церковной клятвы, необходимо было избавиться от взрослых людей, не находящихся в официальном браке. Церковь также последовательно боролась с детьми, рожденными вне брака и потому не имеющими надлежащего попечения родителей. И как общий результат – такое структурированное общество может управляться государством на правовых началах. Иначе в обществе довлеют маргинальные отношения и такое общество рано или поздно погибает.

Если обратиться к истории ислама, то четко видим призыв пророка искоренить в обществе социальное зло, в силу которого страдают вдовы и сироты [1].

Однако способ, которым ислам боролся против свободных от брачных уз людей, отличается от христианских идей. Пророк ввел левират, многоженство, хиджаб и запрет женщинам выходить за пределы дома без сопровождения и т. д. Также ислам, по сути, разрешил внесудебную расправу с женщинами, уличенными в прелюбодеянии, путем «побития камнями».

Что касается буддизма, то мужские монастыри, обеты безбрачия, многожество были вариантами решения социальной задачи в тех регионах, где в культурных традициях явственно

наблюдается количественное превалирование мужского населения над женским [7].

Из всего сказанного достаточно ясно обозначается закономерность, которая выявляет главную угрозу социального развития: разрушение семьи, появление детей, которые лишены родительского попечения и в силу этого становятся легкой добычей криминальных структур. Описанные выше социальные катаклизмы в разных формах не раз сотрясали человеческие сообщества, приводили их к крайне опасному положению. Выход всегда был сопряжен с поиском социальных норм, направленных на укрепление семьи, обеспечение прав ребенка родиться и расти в семье, которая позволяла им социализироваться на условиях их безусловного равенства и защищенности всеми доступными правовыми институтами. Идеологическое обеспечение трансформации привычных и в силу этого естественных социальных норм и институтов основывалось на трансцендентных силах. В настоящее время человечество переживает в очередной раз кризисное состояние из-за повсеместного разрушения института семьи. Однако в какой степени прошлый опыт обращения к трансцендентным силам поможет в решении современных социальных задач?

В научной среде западноевропейских стран последнего периода появилась странная тенденция признавать правом различные экзотические, в большинстве случаев религиозные ритуалы, проводимые аборигенами. Такая тенденция в развитии западной антропологии и антропологии права не осталась незамеченной, в целом ряде аналитических обзоров получив определение как тенденция к архаизации социальных практик. В России данная практика активно поддерживалась сторонниками теории правового плюрализма [2].

Заблуждаются те люди, которые считают проблему свойственной преимущественно для периферии. Пристрастие жителей крупных мегаполисов к оккультным практикам, злоупотребление услугами различных прорицателей, шаманов, гадателей в условиях социального кризиса многими видятся невинным развлечением. Однако за фасадом широко распространенного явления кроется огромная теневая криминализованная индустрия, зачастую поддерживаемая средствами массовой информации, интернет-каналами. При этом накопившиеся социальные проблемы перестают иметь нормальные, с точки зрения цивилизационного развития, механизмы разрешения. Это касается

не только Европы, России и Северной Америки, но и всей человеческой культуры в целом. Эта общая для всего современного мирового сообщества социальная болезнь должна быть адекватно осознана. На пути оздоровления социальных отношений тысячелетний опыт показывает, что только право и правосудие, в единстве частного и публичного права и правопорядка, базирующиеся на принципах равноправия, свободы и справедливости, являются базовыми общечеловеческими ценностями, стоящими у истоков формирования человека как социального существа, семьи как ячейки общества. Их общее благополучие и нормальное развитие выступают гарантией полноценного функционирования большинства общеизвестных социальных институтов. 

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансари Т. Разрушенная судьба: история мира глазами мусульман / пер. с англ. Н. Холмогоровой. М. : Эксмо, 2021. 248 с.
2. Бенда-Бекманн К. фон. Правовой плюрализм в международном контексте // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М. : Стратегия, 2002. С. 87–95.
3. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Изд-во МГУ, 1994. 592 с.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. В. Апполонова, Т. В. Котельниковой. М. : Дело, 2018. 736 с.
5. Ковлер А. И. Антропология права. М. : Норма : Норма-М, 2002. 467 с.
6. Коркунов Н. М. Сборник статей Н. М. Коркунова, профессора Петербургского университета. 1877–1897: Общие вопросы права. История права. Государственное право. Международное право. СПб. : Н. К. Мартынов, 1898. 568 с.
7. Кычанов Е. И. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М. : Вост. лит., 2005. 351 с.
8. Маритен Ж. От Бергсона к Фоме Аквинскому. Очерки метафизики и этики. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 216 с.
9. Моммзен Т. История Рима. М. : Вече, 2022. 384 с.
10. Нерсесянц В. С. Мифологические и религиозные концепции // В. С. Нерсесянц. Общая теория права и государства М. : Норма, 2001. С. 209.
11. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учеб. для юрид. вузов и факультетов. М. : Инфра-М, 2001. 547 с.
12. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учеб. для вузов. М. : Норма, 2004. 944 с.
13. Тумурова А. Т. Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2005. 221 с.
14. Тумурова А. Т. Об одной незамеченной закономерности развития родовой общины // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Юриспруденция. 2006. Вып. 2. С. 94–112.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2019. 480 с.
16. Хангалов М. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. Общественные охоты у северных бурят / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004. 312 с.
17. Чайлд Г. Расцвет и падение древних цивилизаций. М. : Центрполиграф, 2012. 404 с.
18. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии / под ред. и предисл. Я. П. Алькора. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера СССР, 1936. 604 с.

REFERENCES

1. Ansari T. *Razrushennaya sudba: istoriya mira glazami musulman*. [Shattered destiny: the history of the world through the eyes of Muslims]. Transl. from English by N. Kholmogorova. Moscow, Eksmo Publ., 2021, 248 p. (in Russian)
2. Benda-Beckmann K. fon. *Pravovoy plyuralizm v mezhdunarodnom kontekste* [Legal pluralism in the international context]. *Obychay i zakon. Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii* [Custom and law. Research in legal anthropology]. Moscow, Strategy Publ., 2002, pp. 87-95. (in Russian)
3. Berman G. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Western tradition of law: the era of formation]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994, 592 p. (in Russian)
4. Dyurkgeym E. *Elementarnyye formy religioznoy zhizni. Totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life. Totemic system in Australia]. Transl. from French by A.V. Appolonova, T.V. Kotelnikova. Moscow, Delo Publ., 2018, 736 p. (in Russian)
5. Kovler A.I. *Antropologiya prava*. [Anthropology of Law]. Moscow, Norma-M Publ., 2002, 467 p. (in Russian)
6. Korkunov N.M. *Sbornik statej N. M. Korkunova, professora Peterburgskogo universiteta. 1877–1897: Obshie voprosi prava. Istorija prava. Gosudarstvennoe pravo. Meghdunarodnoe pravo* [Collection of articles by N. M. Korkunov, professor at St. Petersburg University. 1877–1897: General issues of law. History of law. State law. International law: collection of articles]. St. Petersburg, N.K. Martynov Publ., 1898, 568 p. (in Russian)
7. Kychanov E.I. *Istorija Tibeta s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Tibet from ancient times to the present day]. Moscow, Eastern literature Publ., 2005, 351 p. (in Russian)
8. Maritain J. *Ot Bergsona k Fome Akvinskomu. Ocherki metafiziki I etiki* [From Bergson to Thomas Aquinas. Essays on metaphysics and ethics]. Moscow, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Pabl., 2007, 216 p. (in Russian)
9. Mommsen T. *Istorija Rima* [History of Rome]. Moscow, Veche Publ., 2022. P.384. (in Russian)
10. Nersesyants V.S. *Mifologicheskie I religioznie koncepcii* [Mythological and religious concepts]. *Nersesyants V.S. Obshaya teoriya prava I gosudarstva* [General theory of law and state]. Moscow, Norma Publ., 2001, p. 209. (in Russian)
11. Nersesyants V.S. *Obshaya teoriya prava I gosudarstva* [General theory of law and state]. Textbook for law schools and faculties. Moscow, Infra-M Publ., 2001, 547 p. (in Russian)
12. Nersesyants V. S. *Istorija politicheskikh i pravovikh uchenii* [History of political and legal doctrines]. Textbook for universities. Moscow, Norma Publ., 2004, 944 p. (in Russian)
13. Tumurova A.T. *Genezis obychnogo prava buryat* [The genesis of Buryat customary law]. Ulan-Ude, Buryat St. Univ. Publ., 2006, 301 p. (in Russian)
14. Tumurova A.T. *Ob odnoy nezamechennoy zakonomernosti razvitiya rodovoy obshchiny* [About one unnoticed pattern of development of the tribal community] *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Yurisprudentsiya* [Bulletin of Buryat State University. Series: Jurisprudence], 2006, no. 2, pp. 94-112. (in Russian)
15. Fuko M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdeniye tyurmy* [Foucault M. Supervise and punish. The birth of a prison]. Moscow, Ad Marginem Press, 2019, 480 p. (in Russian)
16. Khangalov M.N. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 1. Obshchestvennyye okhoty u severnykh buryat* [Complete works. Vol. 1. Public hunts among the northern Buryats]. Ed. by G.N. Rummyantsev. Ulan-Ude, Republican Printing House, 2004, 312 p. (in Russian)
17. Child G. *Rascvet I padenie drevnikh civilizacii* [The Rise and Fall of Ancient Civilizations]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2012, 404 p. (in Russian)
18. Sternberg L.Ya. *Pervobitnaya religiya v svete etnografii* [Primitive religion in the light of ethnography]. Ed. and prefaced by Ya.P. Alcor. Leningrad, Publishing House of the Institute of the Peoples of the North of the USSR, 1936, 604 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 08.05.2024

Received on 22.02.2024; approved on 21.03.2024; accepted for publication on 08.05.2024

Тумурова Анна Тимофеевна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт правовых исследований, Байкальский государственный университет (Россия, 664000, г. Иркутск, ул. Ленина, 11), ORCID: 0000-0002-1170-5730, РИНЦ AuthorID: 1034152, e-mail: annatumurov789@gmail.com

Tumurova Anna Timofeevna – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University (11, Lenina st., Irkutsk, 664000, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-1170-5730, RSCI AuthorID: 1034152, e-mail: annatumurov789@gmail.com